

Володимир
Шарапов

ДАНЬКИНО

ДЕТСТВО

16+

Володимир Шарапов

Данькино детство

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шарапов В.

Данькино детство / В. Шарапов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-98834-7

"Данькино детство" - сборник повестей и рассказов о людях советской эпохи. Автор постарался передать не только необычные биографические подробности своих героев, но и саму атмосферу того времени. Читателя ожидают захватывающие истории, полные как светлого юмора, так и драматизма. Эта книга о настоящих людях, которые прошли суровый жизненный путь, временами падая и оступаясь, но в итоге сумевших сохранить человеческое достоинство и добиться цели.

ISBN 978-5-532-98834-7

© Шарапов В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Обложка	5
Благодарности	7
Про великую битву Мясника и Пашки Стоп-кран	9
Предисловие	9
Рассказ Данилы Андреевича Ветрова	14
Данькино детство	43
Предисловие	43
Короткая предыстория	45
Про Давида Ойстраха и высокое искусство пускать солнечные зайчики	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Володимир Шарапов

Данькино детство

Обложка

Если театр начинается с вешалки, то всякая уважающая себя книга начинается с обложки. Книжная обложка – это визитная карточка, парадный вход, витрина, которая призвана привлечь внимание читателя среди огромного количества других сверкающих и шикарных витрин. То, что обложка должна бросаться в глаза и надолго запоминаться, звучит как аксиома для любого адекватного издателя. Впрочем, так было не всегда. В мое советское детство книжная полиграфия оставляла желать много лучшего. Как правило, книги печатались на второсортной бумаге, мелким шрифтом и с редкими иллюстрациями. Если говорить об обложках, то обычно смотреть там было совершенно не на что: имя автора, название, а в остальном – хоть шаром покати. Оригинальные дизайнерские решения редко осеняли ответственных за выпуск книжной продукции для самой читающей страны в мире. Да и зачем, спрашивается, напрягаться, если и так купят, поскольку никакой конкуренцией среди книгоиздательств во времена застоя и всеобщего дефицита даже и не пахло.

Мой отец был страстным библиофилом. Книги он начал собирать еще со студенчества, поэтому в нашей маленькой однокомнатной хрущевке все стены были увешаны самодельными полками и стеллажами. Книг было порядка двух тысяч. Среди них имелись и солидные издания в твердых переплетах, и дешевые научно-популярные книжечки в мягких корочках. Для меня почти все они были на одно лицо, как азиаты для европейца, театрално сгибающегося под тяжестью «бремени белого человека». Ситуация начала меняться к лучшему лишь в 1979 году с началом выхода в свет двухсоттомного издания «Библиотеки Всемирной Литературы» (БВЛ). Каждый том украшался новомодной суперобложкой с какой-нибудь цветной иллюстрацией, которая превосходно подходила к содержанию книги. Для книг БВЛ отец сразу сделал отдельные полки, и толстые томики гордо засияли яркими корешками среди серой массы книг нашей библиотеки. Суперобложки этой серии все как на подбор отличались оригинальностью и содержали картинку с необычными и даже порой совершенно загадочными сюжетами. Поневоле я ощущал священный трепет, когда брал такую книгу с полки. Потом, в лихие девяностые, с появлением рыночной экономики издатели ударились в другую крайность. Чтобы привлечь покупателя, на ярких глянцевых обложках стали изображать всяких монстров, вампиров, полубнаженных красоток и мускулистых супергероев. А на прекрасной белой бумаге четким крупным шрифтом наряду с вечной классикой в неимоверном количестве издавались откровенные помои. Глядя на все это безобразие, поневоле приходила на ум фраза из книги самобытнейшего русского философа Василия Розанова «Опавшие листья»: «Либерал красивее издаст «Войну и мир». Но либерал никогда не напишет «Войны и мира», и здесь его граница».

В те годы на одно из дней рождений мне подарили только что появившийся роман Умберто Эко «Имя розы». На глянцевой обложке был изображен юный монашеский послушник, с вожделением взирающий на практически голую топ-модель, лежащую перед ним в небрежно накинутах нищенских лохмотьях. Видно было, что художник из кожи вон вылез, чтобы придать нищенке как можно больше вульгарной сексуальности. Я потом еще долго размышлял, почему издатель решил столь похабно воспроизвести именно эту мимолетную и, на мой вкус, весьма душевную сцену из великого романа. Читал ли он вообще книгу? И какую, интересно, аудиторию он планировал привлечь откровенной сценой к произведению, которое ничего общего не имело с дешевым бульварным чтивом, наводнившим тогда все книжные прилавки. Я надеялся, что Умберто Эко никогда не увидит, как у нас обошлись с его волшебной

книгой. Человек, который самому Стенли Кубрику отказал в экранизации своего любимого детища, мог бы и не пережить такого дьявольского святотатства.

Тогда я и представить себе не мог, что через пару десятков лет мне придется ломать голову над сюжетом рисунка для обложки своей собственной книги. Когда мой любимый художник-иллюстратор, Леонард Крылов, спросил меня об этом, я был застигнут врасплох. Все же задачка показалась мне интересной. В самом деле, как одной картинкой выразить все то мироощущение, которое несут в себе герои моих рассказов? Когда не можешь найти ответ на какой-нибудь вопрос, полезно бывает отпустить на волю горячих коней воображения и постоять в сторонке, спокойно наблюдая, как они резвятся на воле без кнута и упряжи. Я так и сделал. Отправился в ближайший сосновый бор и пошел по привычной тропинке в ожидании, что нужная идея придет ко мне сама. Так и произошло. После получаса прогулки я уже точно знал, что я хочу увидеть на обложке: революционный матрос и советская пионерка из недавнего овеянного военными и трудовыми победами прошлого попадают на улицы современного мегаполиса. Кругом спешат хорошо одетые люди, мчатся автомобили, а сверху над всем этим человеческим муравейником светятся неоновым светом огни броской рекламы: секс-шоп, банк, казино заманивают в свои хищные, пропитанные капиталистическим угаром сети. Растеряно озираются герой Гражданской и юная пионерка, осознавая, что здесь им больше не место. Они чужие в этом мире, где все гонятся только за прибылью и развлечениями. У них за плечами миллионы павших за идеалы равенства и братства. За ними поднятая из руин страна. Они жили мечтой о светлом будущем, ради которого миллионы советских людей без оглядки жертвовали своими жизнями, здоровьем, личным счастьем и бытовыми удобствами. И вот оно, будущее, тускло мерцает перед ними в дьявольских люминесцентных огнях ночного капиталистического рая для избранных... Достойно ли мы, потомки, распоряжаемся тем наследством, которое нам досталось от наших отцов и дедов? Большой вопрос. Большой вопрос...

Благодарности

Время от времени я держу в руках книги по своей технической специальности. Во многих из них авторы отводят специальную главу для выражения благодарности всем причастным к появлению их кропотливого труда на свет божий. Право, очень умиляет и трогает, когда какой-нибудь весьма авторитетный в своей области специалист описывает, например, заботливых домочадцев, проявляющих безграничное терпение к его ночным бдениям и полному погружению в работу в ущерб всем семейным обязанностям. Это кажется удивительным, но часто заядлые технари в плане умения проявлять благодарность на голову выше гуманитариев. Могу поспорить, что в первой попавшейся под руку сотне романов из ближайшей книжной лавки не найдется ни одного, где автор удосужился бы сказать несколько теплых слов в адрес своих помощников. На мой взгляд, это неправильно. Люди, посвятившие немало времени и отдавшие часть души в работе над твоим любимым детищем, заслуживают добрых слов. Поэтому я решил пойти по стопам глубоко уважаемых мною авторов и выразить благодарность всем, кто мне помогал при работе над книгой.

Первым делом хочу выразить благодарность своей супруге, Светлане, которая дарит мне счастье греться у нашего семейного очага. Если бы не его тепло, то у этой и других моих книг не было бы ни малейшего шанса появиться на свет.

Я также крайне признателен замечательному редактору, Елене Сафоновой из Калининграда за ее терпеливый труд по исправлению грамматических и стилистических огрех, коих, к моей печали, обнаружилось немало количество. Те, кто думают, что редакторы даром едят свой хлеб, никогда не сталкивались с суровой правдой жизни: абсолютно грамотных и безупречных в художественном отношении авторов не существует. Отдельно хочу отметить ее деловые и в то же время эмоциональные комментарии к тексту, которые неожиданно превратили рутинный и скучный для меня процесс правки в увлекательнейшее занятие. С замечаниями Елены в подавляющем большинстве случаев я полностью соглашался. Если воспользоваться поэтической метафорой, то редактора с полным на то правом можно уподобить искусному ювелиру, который тонкой огранкой превращает природные алмазы в сверкающие бриллианты.

Целой сотне изумительных иллюстраций к моим рассказам я обязан Леонарду Крылову из Санкт Петербурга, известного под псевдонимом Эл Крылов. В поисках своего художника я пересмотрел сотни работ, пока, наконец, не увидел рисунки Эла. У него идеальное художественное чутье, позволяющее изображать литературный текст так, будто бы он сам его пережил и знает ничуть не хуже автора. На рисунках Леонарда лежит печать истинного питерского интеллигента и бесшабашного озорного хулигана одновременно. Одному Богу известно, как он умудряется совмещать в себе эти две крайности. У каждого творческого человека есть обычно некая своя «фишка», которая сразу же выделяет его среди прочих людей. У Леонарда я насчитал таких «фишек» сразу несколько. Читателю стоит, например, обратить внимание на руки в рисунках этой книги. Казалось бы, мелочь, но они у Эла всегда играют важную роль в передаче художественного образа. И то же самое касается всех прочих деталей. График, подобно хирургу, не имеет права на ошибку. На небольшом черно-белом рисунке любая небрежность и фальшь мгновенно станут заметны зрителю и испортят общее впечатление. С другой стороны, только черно-белая графика способна передать самую суть, душу изображаемой материи. Ценители монохромной фотографии меня хорошо поймут. Дар Леонарда уникален.

Над дизайном обложки славно потрудились Стелла Струцкая из Севастополя. Когда она выложила передо мной сразу несколько вариантов обложки, я пожалел, что должен выбрать только один. Как говорили суровые германцы, подбирая себе будущих фрау из целой когорты прелестных белокурых фрейлин: *Wer die Wahl hat, hat die Qual*, что в переводе с немецкого

означает: «У кого есть выбор, у того – мучение». Я испытал эти муки в полной мере. Каждый вариант обложки был в своем роде совершенно неподражаем с точки зрения как цветового решения, так и размещения арт-объектов. При работе над каждой книгой Стелла разрабатывает с нуля новый шрифт, стараясь, чтобы он наилучшим образом соответствовал духу произведения. Для таких непосвященных, как я, ее искусство выглядит настоящей магией.

Отдельное спасибо моим читателям, оставившим отзывы на КОНТе. Все рассказы из сборника были опубликованы на этом замечательном портале для социальной журналистики, который сейчас стремительно набирает большую и честно заслуженную популярность. Благодарительные комментарии меня воодушевляли с необыкновенной силой. Я счастлив, что благодаря КОНТу имею возможность непосредственно получать отклики от своих читателей. Не удержусь, чтобы не процитировать напоследок некоторые из них.

Zoia: Очень интересно. А дальше? Как сложилась судьба Мяслика? Пишите по мере возможности, у вас очень интересные истории. Читая их, отдыхаешь душой.

Карпов Илья: Именины сердца, а не рассказ! Как говорится, на одном дыхании!

Вик-Тор: Здорово написано. Как будто сам там был...

sunrise: Жаль, не закончено повествование... На одном дыхании читается, интересно!))

Omez: Действительно, хорошо написано, захватывает. На мой скромный взгляд, требуется некое развитие темы. Прекрасный человек Андрей Андреевич, прекрасный разведчик Быстролетов, прекрасные молодые лейтенанты. Как сделать, чтобы такие люди определяли нашу политику, а не оказывались потом в лагерях по ложным наветам? Вопросы...

Рудольф: Прочитал на одном дыхании. Спасибо. И слог понравился. Удачи вам и дальше в рассказах.

S-geo: Спасибо за творение. Даже так – ТВОРЕНИЕ. Иду читать Ваш блог. С радостью прочитаю продолжение этой трогательной истории. К своему стыду, только тут узнал, откуда появилось название пасты ГОИ. В середине 90-х чистил ею бляхи ремня и поделки из гильз, снарядов на Кавказе, не задумываясь.

Руслан: Замечательный рассказ. С удовольствием прочел и о многом задумался. Подписался.

burunduk: Эх, Новосибирск! Прямо ощутил эту атмосферу. Спасибо!

Valentina Levieva: Спасибо большое, прочитала с удовольствием. Да, мы росли без отцов, в страшной бедности, но не было чувства ущербности, зависти. Почему-то память сохранила только хорошее, только дружбу. Росли на улице: там все наши университеты. С удовольствием вспоминаю наших учителей. Они всюду были с нами и в сборе макулатуры, и в прополке кукурузы, и в походах. Есть что-то близкое с автором этих строк: так же встретила в детстве добрых людей – человека, прошедшего от Сталинграда до Берлина, и его семью. И я их полюбила на всю жизнь, они были для меня примером. В их семье я была окружена теплом. Наверно, чувствовали, что не хватало его мне. Атмосфера, видимо, была другая, люди были добрее. Эпизод о двух Тамарах – замечательный. Пишите. Вам удастся передать дух того времени.

ИВАНЫЧ: На пару минут я снова был пионером, спасибо!

Марина Савельева: Рассказ из прошлого. Прямо дыхание того времени.

Олег: Повесть с несколькими уровнями восприятия. Удивлён. Спасибо.

Про великую битву Мясника и Пашки Стоп-кран

Предисловие

В 2000 году я учился на пятом курсе Новосибирского государственного университета. В самом разгаре был экономический кризис. На нищенскую стипендию студенты могли худо-бедно прожить от силы неделю. Мне и моим товарищам приходилось подрабатывать грузчиками. Бывало, что всю ночь напролет мы разгружали какой-нибудь вагон с бесчисленными коробками и ящиками. Лучше всего платили за разгрузку мешков с цементом. Но работа эта была поистине адская... Поэтому, когда мне неожиданно предложили устроиться преподавателем немецкого языка на кафедре иностранных языков факультета специальной разведки в Новосибирском высшем военном командном училище (военный институт), я, не раздумывая, согласился. Тем более, что за счет надбавки от Министерства обороны зарплата там была выше, чем в гражданских образовательных учреждениях. Честно говоря, немецкий я знал отвратительно, но решил последовать известному принципу Наполеона Бонапарта: «Главное – ввязаться в драку, а там посмотрим».

НГУ

Ореол уважения, сияющий, по мнению непосвященных, над всеми, кто учится в стенах нашей альма-матер, сослужил мне тогда хорошую службу. Никому даже в голову не пришло меня тестировать на знание языка, который я отважно собирался преподавать будущим разведчикам и мотострелкам. Поэтому я без всяких проблем устроился на желанную для многих

работу, не имея совершенно никаких преимуществ перед конкурентами. Очень надеюсь, что был и остаюсь единственным неприятным исключением такого рода в славной истории этого весьма престижного заведения.

Хочу воспользоваться случаем и выразить свое уважение полковнику Сергею Михайловичу Калимулину, возглавлявшему в то непростое время кафедру иностранных языков. У меня до сих пор есть стойкая уверенность, что именно благодаря таким личностям наша армия всегда будет непобедимой, профессиональной и высококультурной. Я с ним практически не пересекался. Тем удивительней то сильное впечатление, которое он у меня оставил как руководитель и преподаватель. К тому времени я уже успел отслужить в армии и с переменным успехом четыре раза поучиться в стенах трех вузов. Так что мне есть, с кем его сравнивать.

Надо сказать, что, кроме естественного желания бедного студента иметь хоть какой-то стабильный заработок, была еще одна очень веская причина, заставившая меня пойти против совести и согласиться на этот обман. Дело в том, что однажды на первом курсе, когда мы суровой зимой 1995 года сидели, укутавшись в шубы и пальто, в промерзшей насквозь аудитории на утренней паре, наш преподаватель сжалился над нами и, чтобы хоть как-то согреть и ободрить, вместо обычного занятия рассказал одну удивительную историю, которая была тесно связана с военным институтом и его обитателями. Не знаю, как других, но меня она тогда просто потрясла своей суровой романтикой. Поэтому мне всегда было страшно любопытно, что творится за стенами этого надежно укрытого от внешнего мира таинственного учреждения. Просто поразительно, что и мне вскоре довелось выступить здесь в роли рассказчика той же самой истории. Наверное, именно так издревле передавались из уст в уста легенды о героях прошлого и сказания о великих битвах, о которых историки потом будут по крупницам собирать скудные факты, изучая дошедшие до нас из глубины веков редкие и не поддающиеся никакой проверке письменные источники.

Это случилось примерно через пару месяцев после того, как я устроился на свою новую работу. Холодным ноябрьским утром я, как обычно, зашел с парадного входа в первый учебный корпус военного института и начал подниматься по лестнице на второй этаж, где располагается кафедра иностранных языков. Обычно в данное время коридоры всегда полны курсантов, расходящихся по классам. Так было и в этот раз, но мне сразу же бросилось в глаза нечто необычное. Крепкие здоровенные парни с трудом поднимались по лестнице, опираясь на перила. Я видел, что у многих из них просто подкашиваются ноги. Абсолютно все заметно хромали, как обычно хромают те, кто натер себе сильные мозоли на ступнях. Я спросил одного из них, в чем дело, и узнал, что они накануне вечером вернулись с трехдневного марш-броска, пройдя в общей сложности более 100 км в полном обмундировании.

Я открыл дверь своего класса и, пройдя внутрь, произнес обычную дежурную фразу, которую по заведенному здесь уставу мне всегда полагалось говорить в таких случаях:

– Guten Tag, Offizierschüler!¹

Мои ученики тяжело встали и нестройным хором на ломаном немецком произнесли в ответ уже порядком набившую мне оскомину такую же дежурную фразу:

– Guten Tag, Herr Lehrer!²

Я довольно долго бился, пытаясь научить их правильно выговаривать слово Негг, чтобы оно звучало хоть немного более прилично. Но они неизменно, словно бы издеваясь надо мной, громко и со вкусом каждый раз в начале урока произносили на чистом русском языке «хер», не делая никакого политкорректного придыхания на первом звуке. В конце концов я решил, что таково мое кармическое наказание за занятие не своим делом, и со временем совсем перестал обращать на это внимание. Однако в тот раз в слове «хер» я уловил некие новые для себя

¹ Добрый день, товарищи курсанты! (нем.).

² Добрый день, товарищ преподаватель! (нем.).

нотки, острым ножом резанувшие мой слух. В коротком, но семантически удивительно емком древнерусском слове ясно звучала целая гамма чувств, в которой угадывались злость и обида на то, что им, смертельно уставшим от тяжелых учений, не дали хорошо отдохнуть и заставили, как обычно, подняться ранним утром и идти на занятия; еще там была зависть молодых ребят, надолго оторванных от родных и близких и помещенных за непроницаемые железобетонные стены военных порядков, по отношению ко мне, гражданскому человеку, могущему свободно перемещаться и распоряжаться временем по собственному усмотрению. Да много чего там было такого, что можно долго и нудно перечислять. В общем, чего греха таить, я решил, что действительно буду последним козлом (в древнеевропейском языке-основе, на котором говорили далекие предки славян, германцев, балтов и прочих, слово «хер» обозначало козла), если начну мучить этих усталых и невыспавшихся ребят еще и немецким языком. Поэтому я сделал вид, будто ничего не слышал о заведенных здесь строжайших военных порядках и дисциплине, отложил в сторону заготовленные материалы предстоящего урока, уселся на стол и стал пересказывать им ту самую историю, которую услышал когда-то на первом курсе из уст нашего сердобольного преподавателя.

Сейчас я снова собираюсь рассказать ее, уже перед более широкой аудиторией. Я буду вести рассказ от первого лица совершенно в том виде, в котором услышал его впервые, поскольку не считаю возможным добавлять от себя хоть что-то к истории, и так обросшей уже в устах народной молвы тысячей небылиц и никогда не существовавших подробностей.

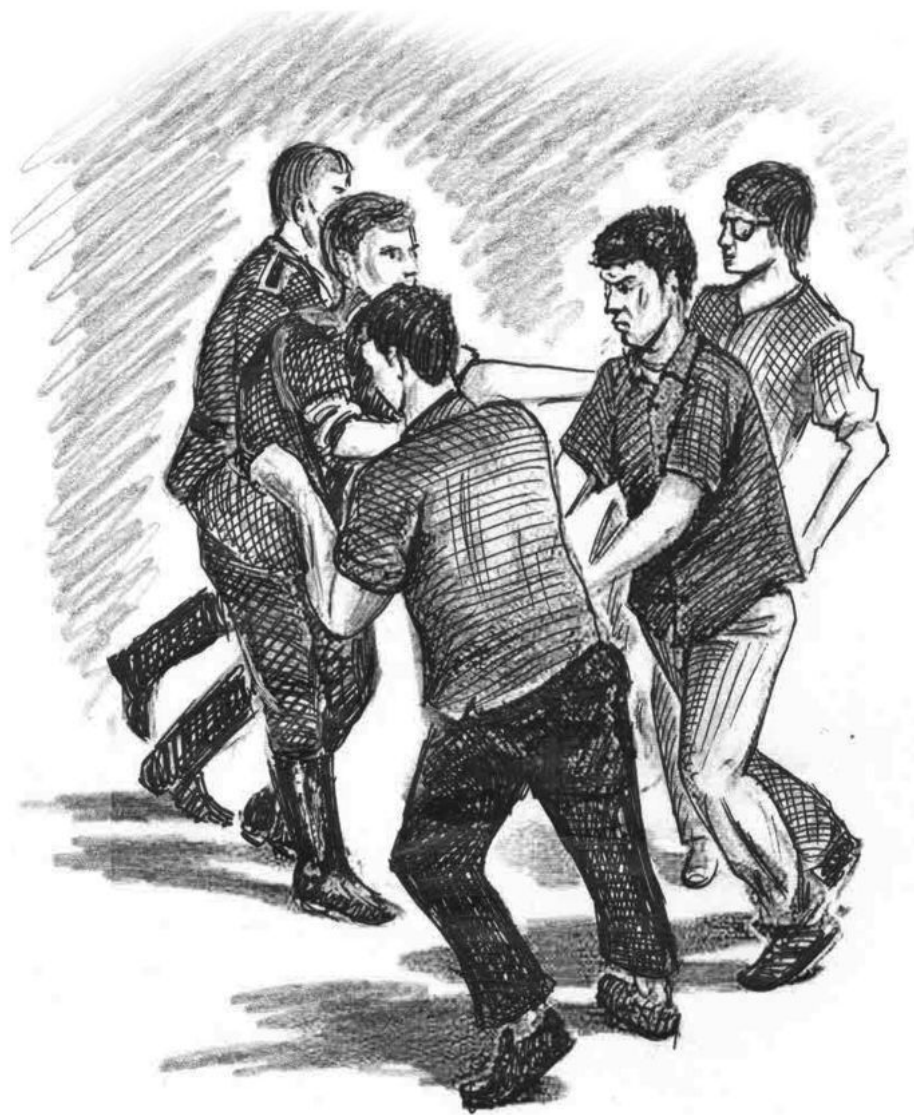
Рассказ Данилы Андреевича Ветрова

Я родом из одного маленького кузбасского городка, где из поколения в поколение основное занятие местных жителей – добыча угля. В отличие от большинства своих сверстников, я весьма неплохо учился и даже регулярно занимал первые места на районных и областных олимпиадах по физике и математике. Именно поэтому в свое время меня пригласили учиться в новосибирский Академгородок в физико-математическую школу-интернат (ФМШ), которая до сих пор существует при нашем университете.

У нас преподавали академики с мировыми именами, такие как Ляпунов и Лаврентьев. Возможности для получения образования были просто фантастическими. Практически все мои одноклассники сделали хорошую научную карьеру и добились выдающихся результатов.

Мы чувствовали себя элитой несмотря на то, что абсолютно все приехали из деревень и маленьких провинциальных городков. Для местных мы были не зваными чужаками, поэтому нередко нам здорово от них доставалось. Драки стали постоянной частью нашей тогдашней жизни. Академовские школьники объединялись в группы и регулярно совершали набеги на нашу общагу. Перед лицом общей беды мы быстро самоорганизовались и научились давать хороший отпор агрессорам. Все же мы были отнюдь не мальчики для битвы, т. к. все провели детство в рабоче-крестьянской среде, где хочешь не хочешь будешь принимать участие в драках. У нас тогда появились специальные дежурные по общежитию, которые в случае очередной атаки оповещали остальных трехкратным звонком. Когда в коридорах раздавался этот сигнал, все мы в любое время дня и ночи, кто в чем был, выбегали из своих комнат, чтобы дать отпор налетчикам. Такая боевая дружба нас сильно сплотила. Даже теперь, спустя много лет, когда я вдруг увлекуюсь, читая лекцию студентам, и вдруг неожиданно услышу звонок на перерыв, руки мои непроизвольно сжимаются в кулаки, меня охватывает гнев, хочется сбросить с себя тесный пиджак и, засучив рукава, броситься из Мальцевской аудитории вниз по лестнице, мчаться туда, где бьются в неравном бою мои товарищи...

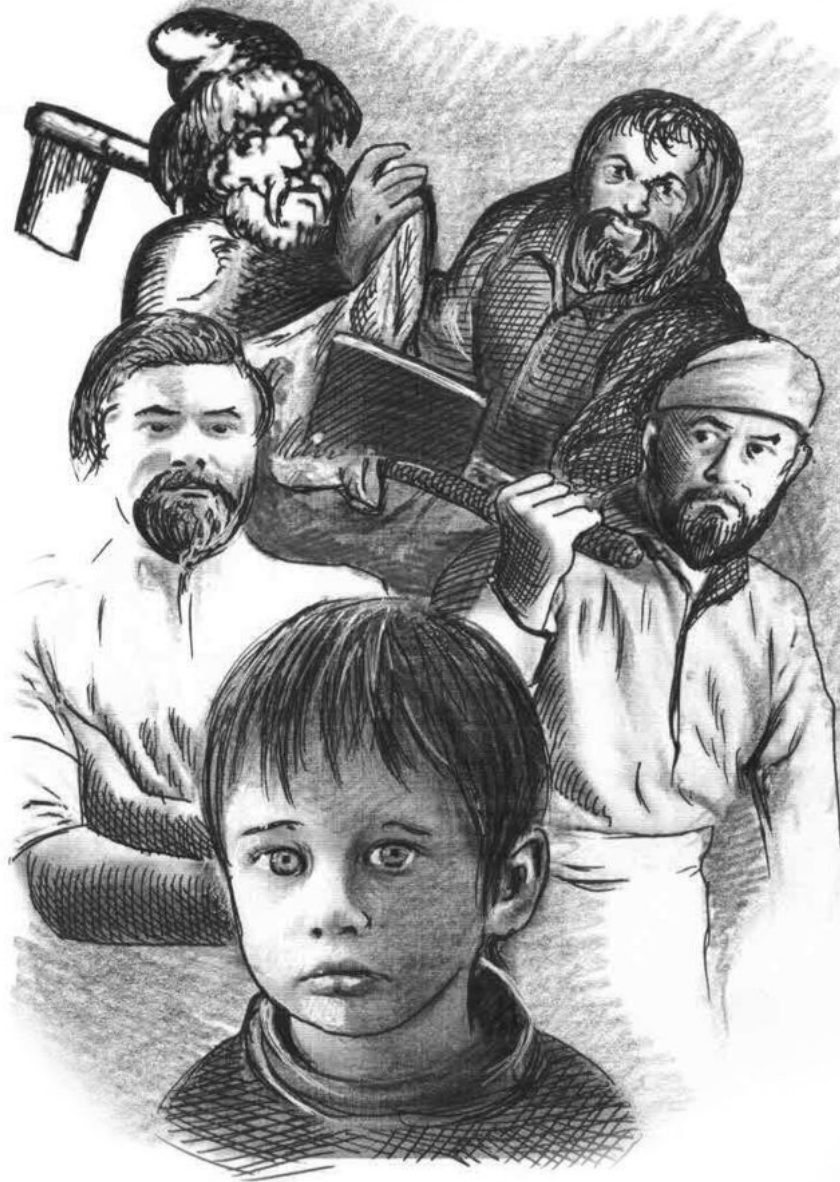
Потом мы стали студентами, и драки с местными школьниками сами собой прекратились. Но на наши головы свалилась новая напасть, куда более неприятная. Недалеко от университета располагался военный институт. Тамошние курсанты нас люто ненавидели. Возможно, потому, что завидовали нашей студенческой вольнице. Не знаю, куда смотрели командиры, но, судя по количеству драк, учиненных их подопечными, они взирали на это сквозь пальцы. У всех на слуху была одна дикая история. Ее виновницей, если меня не подводит память, являлась девятая рота военного училища, где готовили офицеров внутренних войск. Какого-то курсанта этой самой роты на ночной дискотеке обидели студенты пединститута. Скорее всего, побили за приставания к студентке. На следующее же утро вместо утренней пробежки рота пострадавшего в полном составе отправилась мстить обидчикам. Все произошло в полном соответствии с правилами военной науки. Вокруг одного из общежитий пединститута выставили оцепление, все двери заблокировали, а потом начался погром. Били всех без разбору. Из окон летела мебель и личные вещи... В местных средствах массовой информации эту историю, разумеется, не освещали. Но весь Новосибирск гудел, как встревоженный улей. Мы, студенты, были на грани бунта...

На этот раз власти вынуждены были вмешаться. Не в меру воинственную роту расформировали. Каким-то высоким ответственным лицам вынесли выговоры. Во всех военных учреждениях города провели беседы с личным составом. Курсантам нашего военного училища запретили на пушечный выстрел приближаться к университетскому студгородку. После этого крупных побоищ действительно уже больше не было, но локальные стычки никуда не делись.

Курсанты по-прежнему чувствовали себя безнаказанными в нашем Советском районе; били и унижали всех, кто не оказывал им «должного уважения». Так продолжалось до тех пор, пока в НГУ на геолого-геофизическом факультете не появился невысокого роста худенький паренек с грустными светлыми глазами, родом откуда-то из-под Одессы. Никто почти не знал его настоящего имени, зато вскоре все вокруг на всю жизнь запомнили жутковатую кличку – Мясник.

Его судьба была по-своему совершенно уникальной. Родился он в сельской местности где-то под Одессой. Все его предки работали мясниками, начиная от времен Ивана Грозного и кончая эпохой царствования незабвенного Леонида Ильича. Мы, городские жители, можем сколько угодно высокопарно насмеяться над этой непонятной нам профессией или брезгливо морщиться. Но люди, которые хоть что-то понимают в жизни, придерживаются совершенно иных взглядов.

Отец нашего Мясника, разумеется, тоже работал мясником и был одним из самых уважаемых и обеспеченных людей среди односельчан. В отличие от нас с вами, он прекрасно знал, кем работали все его предки в любом поколении, тем более, что в данном случае это было не так уж и сложно. И еще он знал, что семейная традиция не должна прерваться и что он

покроет себя несмываемым позором, если хотя бы один из его сыновей не продолжит дело жизни предков к вящей радости воинствующей секты вегетарианцев и сыроедов.

Казалось бы, судьба полностью ему благоволила. Его младший сын, наш Мясник, с семи лет уже научился крепко держать топор и разделочный нож в своих маленьких ручонках. Отец его, и сам прекрасно разбиравшийся в анатомии крупного и мелкого рогатого скота, отдал мальчика на обучение своему старому отцу, который, кроме всего прочего, был известным знахарем и костоправом. Тот с азартом принялся посвящать любимого внука в анатомические тонкости баранов. Так сказать, разбирали их по косточкам за неимением других достойных этого дитяти игрушек. К восьми годам юное дарование уже прекрасно разбиралось в анатомии, а по части умения разделять туши превзошло самого учителя. Говорят, что всего трех-четырёх ударов топора юному вундеркинду было достаточно, чтобы вся туша распалась на куски. Опытные мастера только диву давались и потихоньку осеняли себя крестным знаменем. Отец был счастлив. На местных ярмарках он заставлял сына разыгрывать настоящие спектакли. Мальчику завязывали глаза, клали перед ним целую тушу, и на глазах многочисленных зрителей он несколькими филигранно точными ударами топора разделял ее на все составные части. Со стороны это выглядело как настоящая магия. Иногда, чтобы придать действию еще и театрального драматизма, на тушу сверху клали маленького полуслеплого котенка. Говорят, что ни один котенок ни разу не пострадал при этом кровавом спектакле.

Наблюдая за необыкновенными успехами своего гениального сына, отец рисовал в мечтах для него самое светлое будущее. Но всем надеждам скоро пришел неожиданный конец. Юное дарование, к его несчастью, как все нормальные дети, ходило в школу. И вот однажды на уроке литературы детям задали читать рассказ Антона Павловича Чехова «Каштанка». Рассказ этот произвел на мальчика впечатление, сравнимое разве что с землетрясением. Он ведь раньше никогда не задумывался над тем, что животные так же, как и люди, способны чувствовать физическую боль и испытывать душевные муки. И – самое ужасное – они, оказывается, прекрасно осознают все, что с ними происходит, и способны это как-то осмысливать на свой манер...

Мальчики кровавые в глазах царя Бориса ничто перед муками юного подростка. У него в глазах были целые стада невинных агнцев, которых он успел разделить за свою недолгую жизнь. Он представлял, как они, прежде чем попасть под его безжалостный топор, мирно паслись на лугу, безмятежно радовались своему простому бараньему счастью, подставляли мохнатые бока солнышку, мирно жевали травку и, наверное, философствовали о чем-то в своих простых и добрых бараньих душах...

Нашего Мясника начали грызть совсем недетские муки совести. Отец его по этому поводу наверняка думал, что некоторых великих русских писателей как можно скорее следует навсегда исключить из школьной программы, чтобы на корню пресекать подобные прецеденты. Иначе рано или поздно все мясокомбинаты остановятся из-за отсутствия желающих там работать, и ему самому останется продолжать любимое дело разве что в качестве хобби.

Потом, в довесок к Чехову, на Мясника обрушился Сергей Есенин с его душещипательным описанием того, как в зимней проруби утопили щенков несчастной деревенской собаки, и слезы из ее безутешных глаз падали золотыми звездами в снег. И самой последней каплей, переполнившей чашу сострадания, стал рассказ Льва Николаевича Толстого о посещении им тульской скотобойни. После этого Мясник напрочь отказался есть мясо и даже близко подходить к разделочному столу.

Отец его, впрочем, списывал все эти дивные метаморфозы, происходящие с сыном, на переходный возраст и сильно не паниковал. Он был уверен, что рано или поздно все вернется на круги своя, и его сын станет великим продолжателем дела своего Рода. Особенно большие надежды отец возлагал на предстоящую армейскую службу, полагая, что она выбьет из сына всю книжную дурь и сделает настоящим мужчиной. Однако ж с этим неожиданно возникли

серьезные проблемы, потому что неразумный сын, словно прочитав его тайные мысли, принял такой тактический ход, который мог окончательно все испортить. Сын потомственного мясника не придумал ничего лучше, как вступить в секту баптистов. Дурные последствия этого необдуманного шага сказались немедленно. Во-первых, его сын вдруг совершенно неожиданно перестал материться, да и вообще повышать на кого-либо голос.

– Твою мать, ну просто как неродной! – иногда в сердцах восклицал отец, взирая с удивлением на своего воспитанного и культурного сына, тревожно перебирая в памяти всех известных ему предков по мужской линии и совершенно не понимая, в кого же тот такой уродился.

Во-вторых, к вегетарианству теперь добавился категоричный отказ брать в руки огнестрельное оружие и давать воинскую присягу. У юных призывников с такими убогими моральными принципами была только одна дорога – стройбат, куда его сын в итоге и попал, дослужившись за два года до звания ефрейтора. И это в стране, где бытовало стойкое убеждение, что лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора! Думаю, если бы старина Кант прознал в свое время про сей морально-нравственный императив, он обязательно присовокупил бы его к своему знаменитому четвертому доказательству бытия Бога, сделав оное уже, наконец, фатально неопровержимым...

В армии Мясник окончательно решил, что домой он больше не вернется. Он ненавидел свое детство, которого, благодаря стараниям родного отца, по существу и не было вовсе. Вопрос, куда податься после дембеля, решился сам собой. Среди сослуживцев юноши был новосибирец, собиравшийся после армейки поступить в Новосибирский государственный университет. Он-то и открыл глаза Мяснику на то, что существуют особые льготы для абитуриентов, прошедших армию. Но самое главное, он по дружбе обещал помочь ему сдать все экзамены, если Мясник будет поступать с ним вместе на геологический факультет.

Мясник с энтузиазмом утопающего ухватился за эту соломинку. Поступить в ВУЗ самостоятельно он даже и не мечтал, потому что у нашего сельского гуманитария напрочь отсутствовали даже зачатки абстрактного мышления. В школе по всем предметам у него были твердые тройки. Ставили ему их, впрочем, не за знания, а исключительно за хорошее поведение, из уважения к отцу и его собственному мастерству мясника, которое, как вы понимаете, к школьной программе не имело ни малейшего отношения. Единственное, что он знал в совершенстве – это анатомию баранов. После обучения у деда он, вдобавок, уже и сам стал неплохим костоправом и иногда был способен даже ставить диагнозы заболевшим односельчанам.

Сразу после дембеля Мясник рванул в Новосибирск и с помощью своего армейского приятеля успешно поступил на геологический факультет НГУ. Но поступить – полдела. Дальше нужно было сдавать первую сессию, после которой, как ему объяснили, можно уже ничего не бояться.

Мясник фанатично взялся за учебу. Благодаря хорошей памяти он с первого раза запомнил чуть ли не целиком целые страницы учебников, не всегда, впрочем, понимая, о чем идет речь. Но главной проблемой оказалось следующее: кроме знаний о минералах и строении земли, нужно было уметь решать задачи по физике и математике. О чем тут можно говорить, если даже на то, чтобы понять определение заурядной математической функции, ему потребо-

валось почти две недели напряженных умственных усилий. Говорят, он не спал ночами, пытаясь самостоятельно вычислить какой-нибудь самый захудалый интеграл или найти предел у простенькой функции.

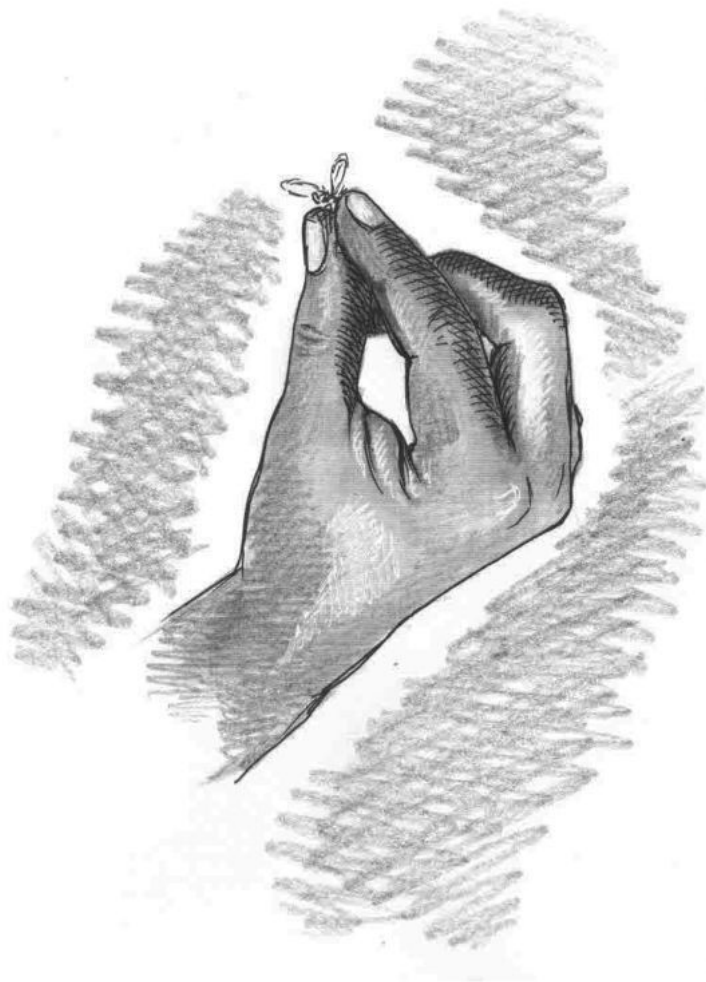
От осознания собственного бессилия он плакал. Мясника начали мучить ночные кошмары, в которых отец вел его за руку к окровавленному разделочному столу... В то время юношу часто видели с темными от недосыпа кругами под красными от слез глазами. Но будучи человеком по-деревенски практичным и рациональным, он быстро понял, что этак далеко не уедет, поэтому решил кардинально сменить тактику.

Рядом со зданием университета находился спорткомплекс. Там в то время преподавал известный тренер по самбо, ученик ученика самого знаменитого Харламбиева, который после выхода на экраны фильма «Не бойся, я с тобой» мгновенно стал кумиром всех советских мальчишек. Повинуясь какой-то интуиции, Мясник записался в секцию и вместо тщетных бдений над задачками активно взялся за тренировки.

Тренер сразу же обратил внимание на нового ученика. Мясник обладал феноменальной скоростной реакцией и способностью правильно и мгновенно реагировать на любое движение противника по ковру. Со стороны могло бы даже показаться, что соперники сами поддаются ему, подставляя себя под броски. Откровенно говоря, ни у одного из них, как бы не превосходили они нашего Мясника техникой и опытом, не было ни единого шанса на победу. Просто подумайте, можно ли одолеть человека, который иногда развлекается тем, что почти даже не глядя кончиками пальцев одной руки ловит на лету мух и потом бережно выпускает их в окно совершенно непокалеченными...

В свое время я попросил одного старого друга из Института цитологии и генетики прокомментировать сей удивительный факт. Не прошло и пары недель, как тот ответил мне, что произвел некоторые расчеты и может однозначно сказать одно: с точки зрения естественной человеческой физиологии подобная скорость реакции представляется ему совершенно невозможной.

– Средний вес обычной домашней мухи 15 мг, – объяснял он мне. – А средний вес человека 62 кг. Грубо говоря, вес человека в четыре миллиона раз превышает вес мухи. Представь себе, что тебя хочет прихлопнуть истребитель весом в 250 тысяч тонн. Пока он начнет замахиваться, ты успеешь добежать до нашего райкома и начать писать заявление о срочном вступлении в Партию. Правда, скорость реакции мухи около 200 миллисекунд, что вполне сравнимо с реакцией хорошего спортсмена, но при этом критическая частота слияния мельканий (КЧСМ) у нее примерно в 7 раз выше, чем у человека, т. е. мир для нее движется в 4 раза медленнее, чем для нас с тобой. В общем, поймать ее двумя пальчиками, наверное, один раз в жизни у кого-нибудь и получится, но регулярно – решительно невозможно. Старик, я вижу здесь только одно разумное объяснение. Тут своего рода гипноз. Ты говоришь, что он делал это почти вслепую. Может быть, здесь и кроется разгадка. Муху нужно на какое-то мгновение вогнать в ступор, чтобы она перестала понимать, с какой стороны ей грозит опасность. Тогда при хорошей реакции есть небольшой шанс ее поймать двумя пальчиками. Да, старик, я бы, пожалуй, всю свою тринадцатую зарплату отдал твоему Мяснику, чтобы бы только посмотреть, как он это делает!

После первой же победы Мясника на каких-то соревнованиях по самбо его тренер пришел в деканат геологического факультета просить, чтобы талантливого ученика отпустили на спортивные сборы, проходившие аккуратно во время сессии. Декан здраво рассудил, что студентов, способных даже с сильного похмелья брать интегралы и вычислять пределы, у него пруд пруди, а вот таких великих спортсменов, которые принесут мировую славу всей стране и его

факультету, у него больше нет. Поэтому до самого конца учебы проблем со сдачей сессий у Мясника с этих пор не было. Он даже не считал нужным на сессиях появляться, т. к. регулярно получал автоматы по всем предметам.

Именно с секцией самбо связана первая история, которая сделала имя Мясника настоящей легендой в наших краях.

Однажды темным зимним вечером Мясник возвращался с тренировки в свое родное девятое общежитие, где обитали будущие геологи. Оно находилось совсем рядом со спорткомплексом. Требовалось пройти всего какие-то двести или триста метров. На улице в тот знаменитый вечер был лютый мороз градусов под сорок. Но ввиду близости родной девятки замерзнуть Мяснику, конечно, не грозило. На нем красовалась теплая модная дубленка и настоящие штатовские джинсы. Невероятная роскошь по тем временам. Можно пересчитать по пальцам рук всех тех, кто мог тогда продефилировать по Академгородку в ковбойских штанах.

Всеми этими дорогими шмотками Мясника регулярно начал снабжать отец, который слишком любил сына, чтобы предать его навеки анафеме за нарушение семейной традиции. Кроме того, житейская мудрость подсказывала, что раз уж он не в силах изменить обстоятельства, то нужно использовать их в свою пользу. Все село должно знать: его сын – ученик одного из самых престижных вузов Советского Союза и подающий надежды молодой ученый. К тому же по существу, если хорошо вдуматься, геология мало чем отличается от его ремесла. Если, скажем, представить, что Земля – это просто очень большая и тучная корова, а геологический молоток – это разделочный нож, то и самого геолога можно рассматривать как обычного трудягу мясника. Просто масштаб немного другой, а суть предмета все та же самая.

Итак, Мясник после тренировки возвращался к себе в общагу, совершенно не думая ни о чем плохом. Где-то на середине пути он наткнулся на толпу гопников из Первомайского района, который до сих пор слывет самым криминальным в нашем городе. Каноническая версия этой легенды гласит, что их было не меньше десяти человек. Первомайские возвращались со студенческой дискотеки и шли на электричку на станцию «Сеятель». Встретив на узкой тропинке, протоптанной между глубокими сугробами, невысокого паренька в модной и дорогой дубленке, гопники очень обрадовались и тоже совершенно не подумали ни о чем таком плохом. Скорее даже наоборот. Кто-то из них, чтобы не тянуть резину, сказал:

– А ну стоп, ботаник. Как это у вас в Академе говорится, добрый вечер. Дубленку сам снимешь или тебе требуется помощь?

Мясник сделал испуганное лицо и сказал, что, конечно, сам снимет, т. к. он уже взрослый и самостоятельный мальчик. Он снял с себя дубленку и по доброте душевной предложил:

– Ребята, хотите еще вам и джинсы отдам, и унты. Только не бейте меня. Пожалуйста. Очень мне это неприятно...

Гопник, обрадованный таким аукционом неслыханной щедрости, вполне доброжелательно согласился:

– Снимай, конечно. Бить, так и быть, не буду. Как говорится, солдат ребенка не обидит.

Мясник сделал радостное выражение лица, снял с себя джинсы и остался лишь в одних поддетых под них трико; потом он достал из сумки борцовки и быстро в них переобулся. Напомню, что на улице был мороз градусов под сорок, поэтому вторая часть этого Марлезонского балета прошла гораздо динамичней первой.

Чтобы скорее согреться, Мясник начал активно работать руками и ногами. Тропинка была узкой, а сугробы вокруг были по пояс, поэтому общение со зрителями происходило в порядке строгой очередности. Не видя и не понимая толком, что происходит на сцене, зрители, стоящие сзади, активно пытались прорваться в первые ряды, и когда им это, наконец, удавалось, то, может быть, впервые в жизни они получали возможность испытать настоящий катарсис от великого искусства под названием боевое самбо в исполнении настоящего мастера.

Думаю, что сам мастер не разделит бы моей иронии по отношению к этим ушлепкам. Наоборот, он был крайне зол и беспощаден. Накануне какая-то группа подонков прямо в их общежитии изнасиловала студентку старшего курса, заперев в туалете. Девушка после этого находилась в чудовищной депрессии и непрерывно думала о самоубийстве. Уложив всех гоп-

ников на снег, Мясник заставил их передвигаться на карачках до самой общаги. Поставив их всех на колени в холле девятки, он сказал, чтобы позвали пострадавшую девушку для проведения опознания. Говорят, что в двоих из них она узнала своих мучителей...

На следующее утро Мясник проснулся уже знаменитым. Общественность с великим удовольствием надолго поместила его в фокус своего внимания. Имя Мясника, история его жизни и подвиги начали обрастать невероятными легендами и самыми красочными подробностями. Чтоб вы лучше могли себе представить масштаб этой личности, я снова отвлекусь от главной темы и расскажу одну из наиболее ярких историй, связанных с его именем, за истинность которой я могу поручиться, поскольку лично знаю кое-кого из ее участников.

По закону жанра наш супергерой просто обязан был иметь какую-нибудь под стать ему самому сногшибательную подругу. И такая подруга у него тогда действительно имелась.

Никто сейчас точно не скажет, как ее звали, но все помнят, что она была высоченная, на голову выше своего парня. Так что в плане роста парочка смотрелась довольно комично. Но когда кто-нибудь из друзей решался слегка подтрунить на этот счет, Мясник неизменно приводил авторитетное мнение писателя Эрнеста Хемингуэя, якобы утверждавшего, что в постели все люди одного роста. Уж Хемингуэй-то точно знал, о чем говорит.

Девушка Мясника работала продавцом в местном торговом центре на улице Ильича. Тем, кто не в теме, следует, пожалуй, немного рассказать о том, что это тогда значило.

Когда во время всеобщего дефицита и застоя какой-нибудь супруг, захватив авоську, говорил своей благоверной, что он собирается зайти в ТЦ чего-нибудь прикупить, это звучало несколько двусмысленно, наподобие надписи «Наша цель – коммунизм», которая красовалась на фасаде известного артиллерийского училища, потому что хотеть прикупить чего-нибудь стоящее в ТЦ было так же нелепо, как надеяться собрать грибы в зимнем лесу. И все же население, особенно мужская его часть, валом валила в наш знаменитый ТЦ. Все, что там было действительно стоящего и нужного, либо выставлялось в качестве непродаваемых экспонатов выставки достижений народного хозяйства, либо было не по карману обычным гражданам. Зато за сверкающими белизной прилавками стояли настоящие богини. До сих пор не понимаю, откуда и как их брали. Наверное, прямо с финалов конкурсов красоты. Или это были топ-модели, которым не досталось самолетов после окончания курсов для стюардесс.

Теперь вы, надеюсь, понимаете, что девушка Мясника была очень хороша собой и привлекала к себе повышенное внимание и настоящих мужчин, и тех, кто почему-то искренне считал, будто имеет к ним какое-то отношение.

В тот злополучный вечер, о котором пойдет речь, два нетрезвых местных индивида, несомненно относящихся ко второй из только что выше перечисленных категорий граждан, сидели на одной из лавочек в скверике у фонтана за зданием бывшего главного корпуса НГУ и распивали купленный на местном базарчике разливной «Агдам».

Прямо им навстречу по аллее со стороны студенческой столовой куда-то очень спешила припозднившаяся парочка. Больше вокруг не было ни души. Девушка выглядела просто восхитительно: стройная, длинноногая, с красивыми белокурыми волосами. Низкорослый паренек, семенящий рядом с ней в трико и домашних тапочках, казался убогим замухрышкой

на фоне этой красавицы. Когда парочка поравнялась с подвыпившими бездельниками, один из них вдруг неожиданно накинулся на девушку; одной рукой он крепко зажал ей рот, другой схватил за талию и потащил в находившиеся рядом густые заросли какого-то высоченного кустарника. Второй, здоровенный толстяк, попытался сходу оглушить паренька своим огромным кулаком. У него были бы неплохие шансы на успех, но, на его беду, этим невзрачным пареньком оказался не кто иной, как наш Мясник. Непринужденно уклонившись от удара, он схватил руку нападавшего за запястье своей левой рукой, а правой взялся за его локтевой сустав и сделал простенький бросок, который в греко-римской борьбе называется «вертушкой». Чтобы не причинить травмы сопернику по ковру, браться надо не за локоть, а выше – за самое предплечье под мышкой. Но в данном случае, учитывая крайне неспортивное поведение противника, не было смысла думать о каких-то спортивных правилах.

Страшный хруст вывернутого сустава и дикий крик очумевшего от боли и неожиданно толстяка разбудил мирную сентябрьскую тишину студгородка. Несколько мгновений спустя второй из нападавших уже головой вперед летел в неработающий фонтан, в котором давно не было воды. И это еще была не самая плохая новость для человека со сломанной челюстью и отбитыми детородными органами.

Не знаю, как сейчас, но во времена моей юности считалось просто немислимым нападать на парня, если он шел с девушкой. Оба они обладали дипломатическим иммунитетом. Даже на бандитской Первомайке на такие нападения было наложено табу. Тот, кто рисковал все же нарушить это непрописанное в уголовном кодексе правило чести, очень сильно портил себе репутацию, а иногда даже и здоровье.

Покончив разбираться с негодяями, Мясник взял под руку свою девушку и тут же поспешил с ней дальше. И у него была очень веская причина, чтобы поторопиться. Незадолго до этих событий его подруга вся в слезах прибежала к нему в общежитие и попросила о помощи. Она жила вместе с родителями и своей младшей сестрой, которой было, если не ошибаюсь, лет пятнадцать. Днем у сестры начались сильные боли в нижней части живота, ставшие вскоре просто невыносимыми. Вызвали скорую, но приехавшая женщина врач после осмотра больной сказала, что это какие-то обычные женские боли, часто бывающие у девочек такого возраста, и что к утру они полностью пройдут сами собой. Врач поставила обезболивающий и уехала. Но после окончания действия укола боли возобновились с прежней силой. На повторный вызов скорую высылать наотрез отказались. Сестре становилось все хуже и хуже. Родители места себе не находили. Мрачно выслушав эту историю, Мясник как был в домашних тапочках и трико поспешил в их квартиру. У него сразу zakралось подозрение, что это аппендицит. Дед в свое время рассказывал ему о таких случаях, когда даже опытные врачи могли ошибиться с правильным диагнозом в подобной ситуации, поскольку аппендицит очень коварен...

Когда, наконец, они пришли, Мясник кинулся осматривать несчастную девушку, которая непрерывно стонала. Он ощупал ее живот и, подняв мигом побледневшее лицо, сказал:

– Как я и думал, сильно запущенный аппендицит. Вот-вот лопнет. Остался максимум час...

Мать бросилась к телефону. На этот раз она так орала в трубку и грозила всеми известными ей небесными карами, что скорую к ним все-таки выслали. Зашла та же самая врачиха. Снова осмотрев больную, она лишь упрямо подтвердила свой прежний диагноз: мол, это все по женской части и скоро само рассосется. У матери началась истерика. Она кричала, что аппендицит вот-вот лопнет, и, если это произойдет, она лично потом найдет врачиху и убьет. Врачиха, на беду, оказалась упертая. В ответ она тоже начала ругаться и кричать, что она с отличием закончила мединститут, что у нее красный диплом и она лучше знает, что на самом деле происходит с девушкой.

Мясник все это время красный от бешенства стоял за дверью, стиснув кулаки и не вмешиваясь. А что он, ученик обычного деревенского знахаря-костоправа, мог ей сказать. У него же не было медицинского диплома. Ни красного. Ни синего. Вообще никакого.

На этот раз мать все-таки настояла на том, чтобы ее дочь отвезли в больницу. В приемном покое, кроме них, был только еще один бедолага – какой-то мальчишка с открытым переломом руки. Дежурный врач бегло осмотрел обоих, сделал какие-то анализы, а потом вскочил и заорал, чтобы срочно готовили операционную.

– Девушку сейчас же на стол, а парень пусть подождет, – сказал он прибежавшим на его крик санитаркам.

После операции этот же самый врач зашел в приемную и сказал родителям:

– Аппендицит лопнул прямо у меня в руке, едва я его вытащил. Видите, гной на халате. Можете смело считать, что у вашей дочери сегодня второй день рождения. Поздравляю...

Теперь, когда я познакомил вас немного с главным действующим лицом, я наконец могу приступить собственно к рассказу. И вы увидите, что это как раз тот самый случай, когда прелюдия гораздо длиннее основной части.

Возвращаясь к начатому, я напомним: речь шла о драках, которые регулярно возникали между нами, студентами, и курсантами военного училища. Я говорил, что появление Мясника

резко изменило баланс сил в нашу пользу. Но все было не так просто. От наших битв с курсантами он старался как мог открещиваться. Говорил, что, если пришибет случайно кого-нибудь и его за это отчислят из универа, он покончит с собой. Очень уж он не хотел возвращаться к прежней жизни. Поэтому, когда ему и приходилось участвовать в каких-нибудь драках, то бил он даже не вполсилы. Но и этого было более чем достаточно для того, чтобы снискать славу грозного бойца. Когда он появлялся на поле боя, можно было с уверенностью считать исход схватки predetermined. Обычно, если курсанты видели среди наших рядов невысокого худого рыжеволосого паренька с всегда грустными глазами, они предпочитали ретироваться, имея даже и большое численное превосходство. Я бы на их месте поступал точно так же. Никому же в голову не приходит с кулаками бросаться на каменную стену, а если эта стена еще в ответ и огрызается... И такое положение дел сохранялось до тех пор, пока в рядах наших врагов не появился однажды курсант, которого все звали Пашка Стоп-кран.

Пашка Стоп-кран... Кличка эта никак не связана со способностью отключать оппонента с одного удара своего кувалдообразного кулака. Повисла она на нем так. Как-то его взвод отправили на обычном поезде в командировку в Миасс. Когда состав уже тронулся, Пашка увидел на проплывающем мимо перроне какую-то девушку, которая почему-то сразу запала в его суровую мужскую душу. Не раздумывая ни секунды, он дернул стоп-кран и выпрыгнул из вагона. К тому времени, когда его водворили обратно в вагон, он уже успел обзавестись телефоном и домашним адресом своей новой пассии. Его даже не стали сильно наказывать, настолько он всех развеселил этим пылким поступком. Тогда кличка Стоп-кран к нему и приклеилась.

До сих пор страшно жалею, что не присутствовал на той эпической битве, где сошлись между собой наш Мясник и Пашка Стоп-кран. Когда однажды вечером в общежитии раздался сигнал тревоги, я был на Морском проспекте у своих друзей. Драка началась на футбольном стадионе у спорткомплекса НГУ. С обеих сторон было человек по двадцать. Но с нашей стороны подбегали новые и новые участники. И, главное, среди них был Мясник. Он никогда не спешил. Не потому, что хотел продемонстрировать свое презрение к противнику, а просто

чтобы не сбить дыхание и не потерять концентрацию. Он еще даже не подошел к копошащейся толпе, как драка уже прекратилась. Курсанты отбежали на несколько метров и стали о чем-то совещаться. Потом от них вышел переговорщик. Наши поняли это по носовому платку, высоко поднятому им вверх левой рукой. Курсанты предложили бой между нашим Мясником и своим бойцом. Наши, конечно, радостно согласились, ожидая быстрого и неминуемого поражения любого смельчака, который бы осмелился противостоять нашему непобедимому герою.

Из рядов курсантов вышел невысокий парень. Говорят, его плечи были такой ширины, что издали он мог показаться квадратным. Лицо у него тоже было квадратное, с маленькими глазками; и уши у него тоже были маленькими, как у свирепой бойцовской собаки. Вышедший ему навстречу Мясник казался хрупкой грациозной гончей рядом с чудовищным волкодавом. Мясник шел обычным шагом, будто не замечая перед собой грозного противника; будто никакого противника вовсе и не было на его одиноком пути...

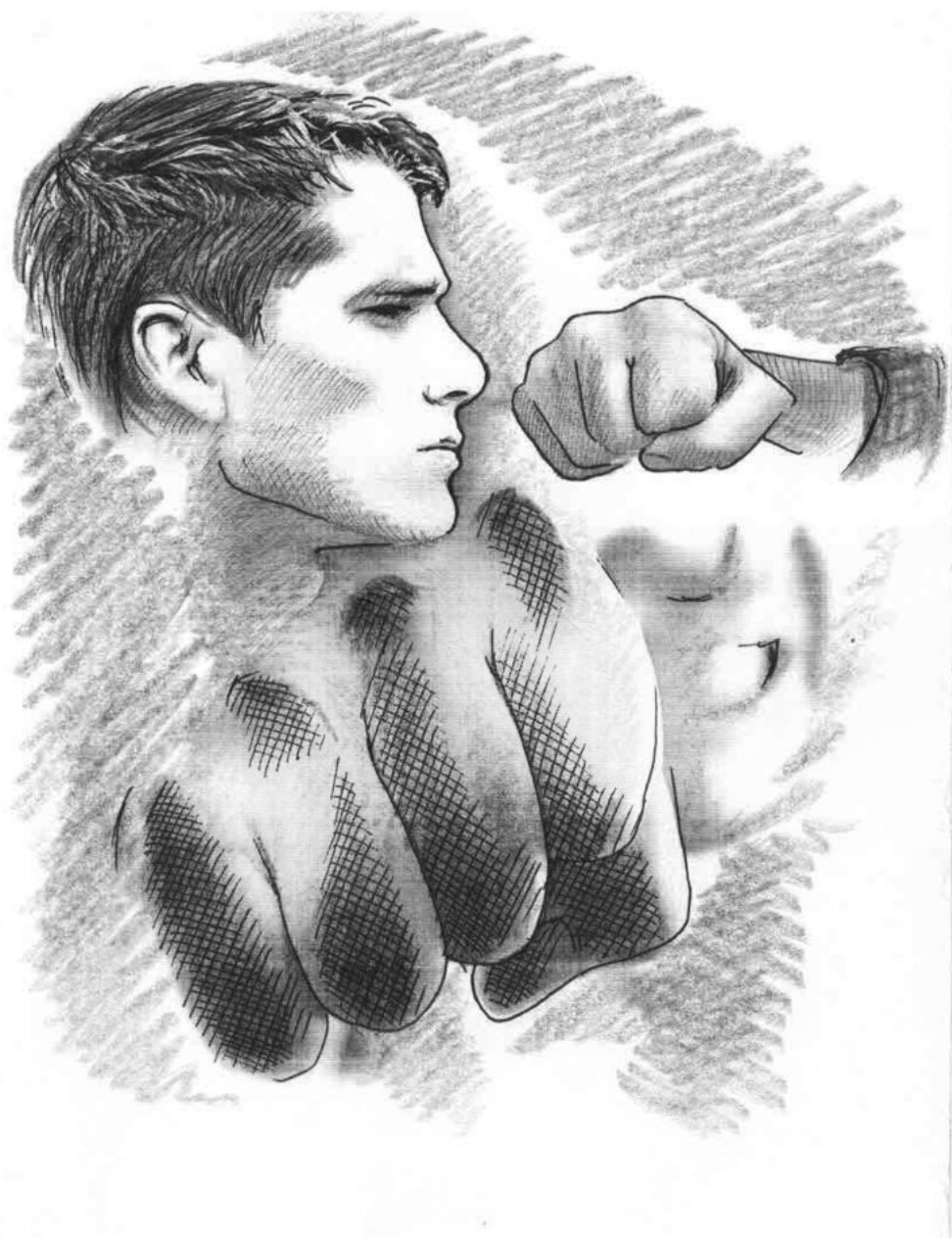

Пашка Стоп-кран отреагировал так, как нам в этой ситуации казалось просто невысказанным. Он не отбежал, не занял боевую стойку. Он просто взял и сделал то же самое – не торопясь, пошел навстречу Мяснику, как будто бы собирался с ним поздороваться. Все только охнули, почувствовав, что обычной малой кровью и даже простыми переломами дело уже не ограничится... Мясник остановился первым примерно в полутора метрах от противника.

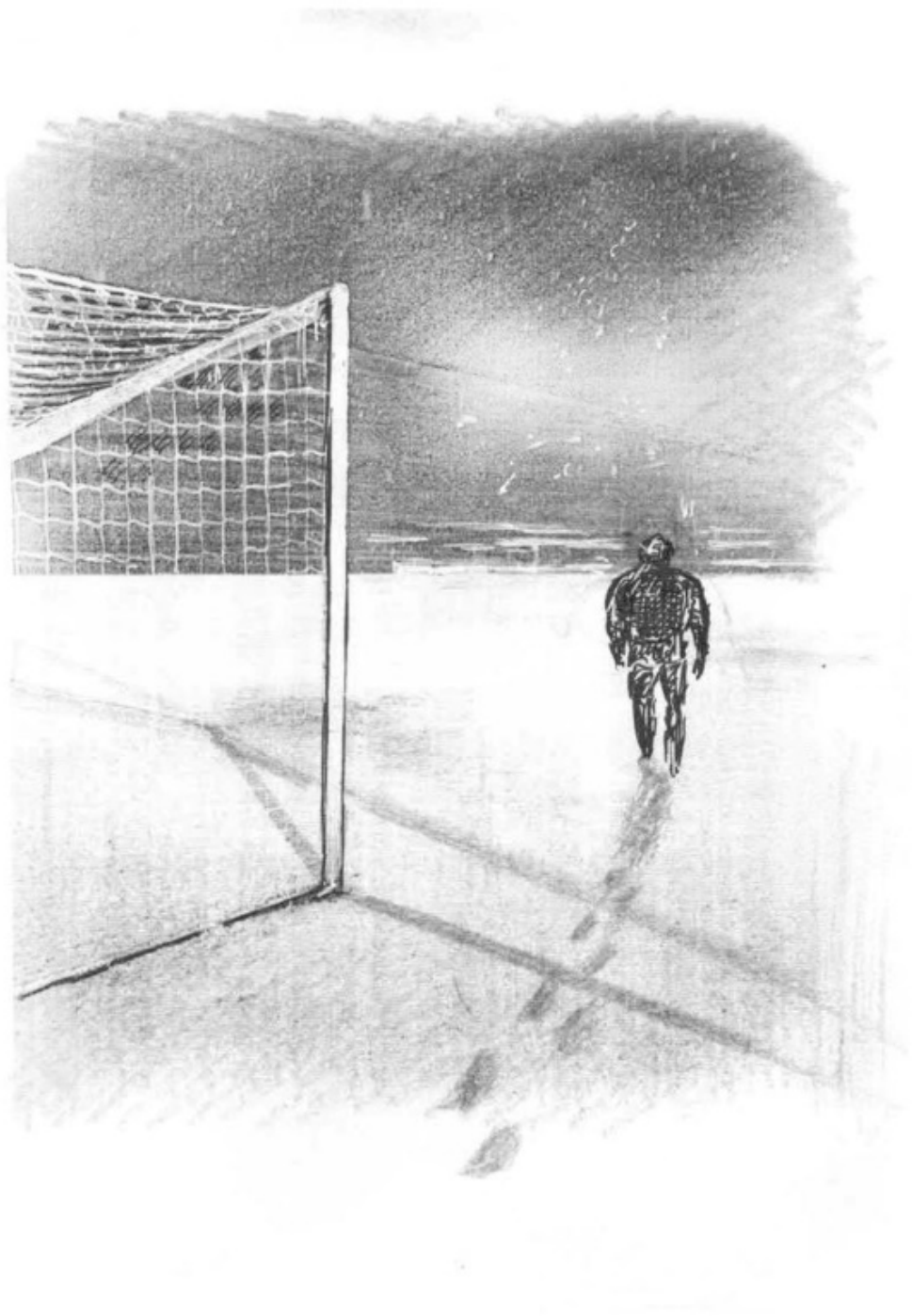
Пашка Стоп-кран сделал еще небольшой шаг и тоже замер как вкопанный, неотрывно смотря в глаза сопернику. Так они и застыли, сверля друг друга глазами.

Курсанты и студенты стояли друг напротив друга за спинами своих бойцов. Говорят, в воздухе повисло такое напряжение, что трещали барабанные перепонки, а в головах гудело. Вдруг повалил крупный снег, и в установившейся мертвой тишине слышен был непрерывный мягкий шелест падающих с небес снежинок.

Потом снова произошло то, чего никто не мог ожидать. По-прежнему неотрывно глядя прямо в глаза Пашки Стоп-кран, Мясник сунул руки в карманы. Наверное, это можно было принять за издевку, потому что в первую секунду, едва оправившись от неожиданности, лицо Пашки Стоп-кран побагровело от ярости. Он, наконец, поднял свою правую кувалду и направил удар прямо в нос Мясника. Те, кто мне потом передавали эту историю, говорили, что со стороны это выглядело как в замедленной съемке. Без всякого замаха огромный кулак с неотвратимой чудовищной силой двигался прямо в лицо Мясника, который по-прежнему стоял с засунутыми в карманы руками, с каменным лицом, прямой и неподвижный как статуя.

Кулак Пашки Стоп-кран остановился в самый последний момент в каком-то миллиметре от носа Мясника, но наш герой даже не дрогнул. Грубо выругавшись, Пашка Стоп-кран шагнул в сторону и пошел по заснеженному полю стадиона, не оборачиваясь и ни на кого не глядя, в сторону леса.

Понятно, после такого драться уже никто не мог. Все разошлись в разные стороны. Студенты обступили Мясника, требуя от него объяснений. Но он молчал, сказал только, что это была последняя драка, в которой он принимал участие.

Через несколько дней вечером в субботу в общежитии геологов появился Пашка Стоп-кран. Он был совершенно один и в гражданской одежде. Попросил позвать Мясника. Вскоре тот спустился в холл в одних семейных трусах и домашних тапочках. Вдвоем они отошли в сторону от собравшихся зевак и о чем-то тихо и недолго между собой поговорили. Потом Мясник вернулся к себе в комнату. Переделся в зимнюю одежду и сказал своим соседям, что отправляется с Пашкой Стоп-кран на пляж Обского моря «просто поговорить о жизни». Сказал, чтобы никто не волновался по этому поводу и не вздумал его искать, даже если он будет пропадать всю ночь. И они вдвоем ушли.

Спать, конечно, уже никто не мог. Пили водку, курили, обсуждали сложившуюся ситуацию, вспоминали прошедшие стычки. Ночь прошла незаметно. Под утро, когда все уже допились до беспамятства, Мясник вернулся целый и невредимый. Рассказывать ничего не стал. Вдвоем с этих пор их больше никогда не видели. Но и в драках ни тот, ни другой больше не участвовали.

Даже сейчас, когда прошел уже не один десяток лет, я бы многое отдал, чтобы только узнать, о чем тогда говорили между собой всю ночь напролет на заснеженном пляже Обского водохранилища эти два человека: суровый сибирский воин и интеллигентного вида паренек со страшной кличкой, родом откуда-то из-под Одессы.

Данькино детство

Предисловие

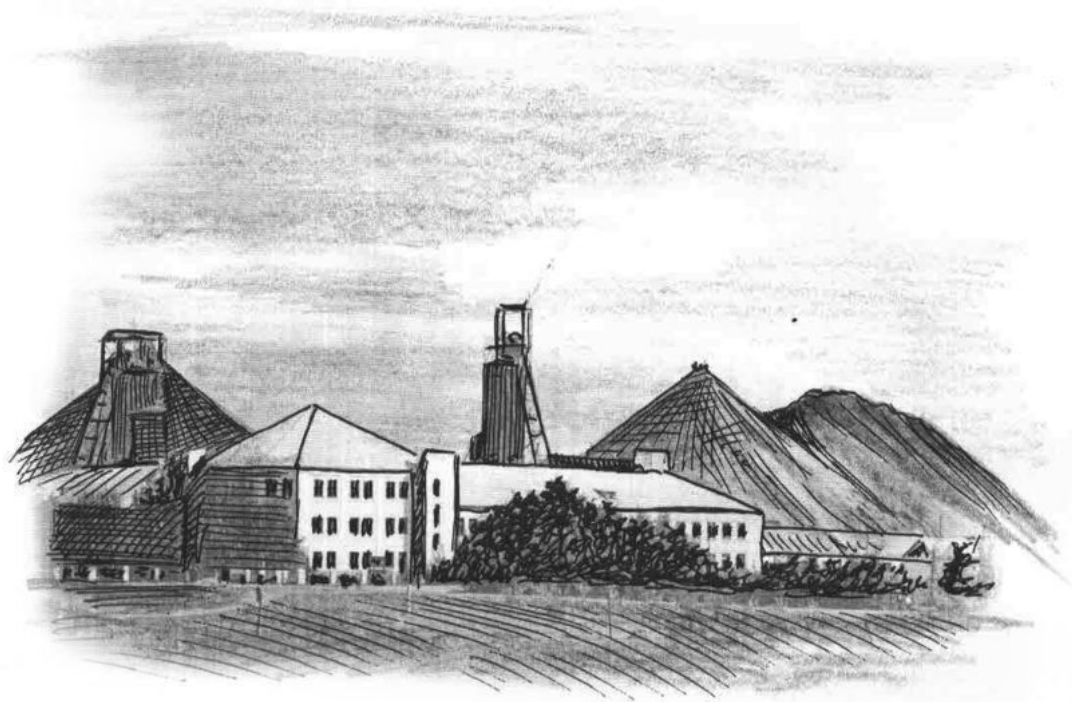
Герой моего повествования – наш с вами современник советский ученый-физик, Данила Андреевич Ветров. Это человек могучего телосложения, открытой русской души и незаурядной судьбы. Будучи другом отца, он часто бывал у нас в доме, поэтому я его хорошо знаю еще с раннего детства. Он – рассказчик от бога, которого можно слушать часами, раскрыв рот и не замечая времени. Думаю, вы и сами сейчас в этом быстро убедитесь.

В рассказе «Про великую битву Мясника и Пашки Стоп-кран» я уже упоминал его как непосредственного участника и свидетеля массовых драк между курсантами и студентам, которые происходили в начале 70-х годов прошлого века в Новосибирске. Теперь настало время рассказать об этом интересном человеке более подробно. А еще лучше, пусть он сам вам сейчас расскажет о себе, а я, как в старые добрые времена моего далекого детства, усядусь поудобней и буду, затаив дыхание, слушать его мужественный баритон, боясь пропустить хоть единое слово.

Короткая предыстория

На свет я появился поздним вечером 22 апреля 1953 года в небольшом шахтерском городке на Кузбассе, Анжеро-Судженске. Я стал вторым и последним ребенком в семье; моей старшей сестре к моменту моего появления на свет исполнилось уже целых пять лет.

А всего через год после этого радостного и долгожданного для него события умирает от туберкулеза мой отец...

Своего отца я совершенно не помню, но ничуть не сомневаюсь, что я бы им страшно гордился, и, будь он жив, состояние счастливого детства, которое некоторое время обитало в моей душе, не закончилось бы столь рано. В течение жизни мне не раз приходилось слышать, что отец мой пользовался большим уважением среди тех, кому доводилось сталкиваться с ним по работе и личным делам. Он был участником советско-финской войны, где сильно подорвал свое здоровье; а еще до этого он с отличием закончил знаменитую академию имени Жуковского, но не смог сделать большую карьеру, хотя, как говорят, обладал выдающимися инженерными способностями. После академии по распределению он отправился трудиться в город Загорск (бывший Сергиев Посад) в тамошний НИИ прикладной химии. Когда в стране началась «ежовщина», и черные «воронки» почти каждую ночь одного за одним стали увозить в тюрьму его друзей и знакомых, отец решил не дожидаться своей очереди и сумел перевестись работать в Анжеро-Судженск. В Анжерке он до самой своей смерти проработал технологом на шахте. Здесь же он познакомился со своей будущей женой, моей матерью, учителем математики в местной школе.

Мать моя была дочерью терских казаков и кроме редкой красоты обладала еще и твердым характером. Во время войны она курировала детские дома на Кузбассе, а после нашей

окончательной победы была избрана областным депутатом и один раз даже съездила в далекую Москву на партийный съезд, где видела самого Сталина. После смерти отца ей неоднократно предлагали снова выйти замуж, но она всем отказывала. Горе утраты и тяжелая болезнь вскоре подкосили ее, и через пять лет после смерти отца ее тоже не стало.

После смерти матери мы вдвоем с сестрой остались на руках у бабушки, которой пришлось переселиться из своего частного дома в нашу маленькую и тесную квартирку на втором этаже двухэтажного деревянно-щитового дома. Отопление было печным, общий туалет располагался на улице, а за водой приходилось с коромыслом ходить к колодцу. Единственным нашим доходом служила крошечная пенсия, которую получала бабушка. Конечно же ее ни на что не хватало, но мы как-то выкручивались. Одежду нам с сестрой давали знакомые, чьим детям она уже не подходила по возрасту, а сама бабушка, сколько я ее помню, всегда ходила в одном и том же. Питались мы скромно, а иногда вовсе ничего не видели кроме одной репы. Очень выручало то, что бабушка держала козу. Наверное, только благодаря ее необычайно жирному молоку мы с сестрой, несмотря на скудное питание, росли все же здоровыми и крепкими детьми.

Я, однако, не помню, чтобы наша бедность доставляла мне какие-то большие неудобства. Мои знакомые и друзья жили не многим лучше нас, поэтому жаловаться на жизнь даже не приходило в голову. А об уровне нашей тогдашней жизни хорошо можно судить, например, по тому, что сестра моя на свой выпускной школьный бал явилась в белом платье из марли, которое ей сшила бабушка; а ее старенькие изношенные двумя поколениями туфли по такому

торжественному случаю были обклеены рыбой чешуей. Выглядело все это, конечно, не фонтан, но кто тогда на это сильно смотрел.

Лишенный с ранних лет родительского внимания и тепла, я и сам по отношению к другим не мог проявлять ничего кроме агрессии и насмешек. А как иначе? Невозможно давать другим то, чего в тебе самом практически нет. Разве будет светить шахтерский фонарик, если не зарядить его аккумулятор. Мой тяжелый характер сопровождался еще одним немаловажным обстоятельством: с самых малых лет я был необычайно физически развит; все мои сверстники были ниже меня на голову, а размер моих кулаков вызывал у них тихую зависть. Поэтому во всех делах я чувствовал за собой право сильного и не стеснялся пользоваться этим на полную катушку. Я страстно желал быть в центре всеобщего внимания и чувствовать на себе всеобщее восхищение. Среди детей шахтеров и рабочих этого можно было добиться только с помощью постоянного и строжайшего контроля над своим поведением и, в меньшей степени, своих кулаков, на корню пресекая малейшие попытки поставить под сомнение свой авторитет.

Должен признаться, что моя беда состояла еще и в том, что мои детские амбиции простирались гораздо дальше, чем, безобидное в сущности, желание стать вожаком всей местной шпаны. Нет, этого мне было мало. Я непременно хотел достичь всесоюзной и даже мировой славы. Сейчас-то я хорошо понимаю, что это была не более чем неосознанная компенсация, возникшая во мне из-за недостатка родительского внимания. С тех пор это желание никуда не делось; с возрастом я лишь научился строго контролировать и направлять его в нужное русло. Но в то время от кипевших и зашкаливающих во мне амбиций у меня по-настоящему мутился разум. Мои товарищи, как все нормальные шахтерские дети, резались в карты, хулиганили, играли в футбол, учились затягивать косяки, прогуливали уроки и дрались, я же, помимо всего этого, непрестанно ломал свою голову еще и над тем, как бы мне поскорей стать знаменитостью. Мысленно я всюду развешивал свои портреты на стенах родной школы по соседству с вождями мирового пролетариата и нашими партийными бонзами. Еще мне нравилось представлять, что все вокруг только и делают, что обо мне говорят; я воображал себе, что всесоюзные газеты, вроде «Пионерской правды», отводят моей нескромной персоне первые полосы, а местные и столичные журналисты выстраиваются в длинную очередь, чтобы взять у меня интервью.

Представлять в уме, как я направо и налево раздаю свои интервью, – стало даже для меня своего рода неотвязной манией, которая часто помимо воли навязчиво преследовала меня повсюду, особенно во время школьных уроков. Мне на полном серьезе казалось, что всем окружающим невероятно важно узнать мое авторитетное мнение по любому вопросу, и я считал своим долгом важно вещать о вещах, которые выглядели для меня очевидными, но которые

кроме меня почему-то никто в мире не знал. Выглядело это все в моем горячем воображении примерно так:

– Товарищ Ветров, что Вы думаете о резком падении успеваемости в нашем районе? Какие по Вашему следует принять решительные меры, чтобы это поправить? – спрашивает, прыгая вокруг меня подобно кузнечику, и записывая за мной каждое слово очкастый корреспондент местной газетки.

На секунду задумавшись и многозначительно наморщив лоб, я выдаю ему свои выстраданные за все нелегкие годы школьного об-мучения соображения на сей счет:

– Я, товарищ, журналист, как сознательный советский пионер, через Вашу уважаемую газету хотел бы донести до министерства образования и лично до генерального секретаря КПСС товарища Брежнева свою позицию по этому поводу. А именно я считаю, что оценки в школах нужно отменить вовсе, поскольку это унижительный и порочный пережиток царского прошлого. Если взрослым сильно хочется, пусть ставят оценки друг-другу, а мы, дети, если и нуждаемся в каких-то оценках, то только положительных.

– Товарищ, Ветров, – тянется ко мне с своим блокнотиком, еще одна представительница древней как мир журналистской профессии, – наших постоянных читателей интересует Ваше мнение как заядлого футболиста и болельщика. Когда же, наконец, футболисты советской сборной станут играть на таком же уровне, как и наши хоккеисты. Что по Вашему следует предпринять, чтобы в Советском Союзе появился свой Пеле?

– Спасибо, товарищ женщина, за такой важный и большой для меня вопрос, – говорю я с воодушевлением. – Действительно, футбол я обожаю и все свободное время провожу на стадионе; даже с уроков туда частенько сбегая, но только Вы об этом, пожалуйста, не пишите в своей газете. Как болельщик, я конечно же всей душой всегда горячо болею за нашу сборную и желаю ей всяческих успехов. Но как человек, привыкший смотреть на вещи спокойно и трезво, понимаю, что при текущем раскладе, шансов выиграть грядущий чемпионат мира у нас никаких нет и, боюсь, никогда не будет, если только мы срочно не разобьём Бразилию... ну и все остальные страны тоже. Поэтому мое мнение таково, что единственным спасением из этой безвыходной ситуации будет радикальное изменение футбольных правил. Для этого нужно пригрозить всему человечеству страшной термоядерной войной, если оно сейчас же не одумается и не изменит футбольные правила так, чтобы выигравшим считался тот, кто пропустит больше соперника. Пусть наши футболисты будут делать то, что действительно любят и умеют лучше всего – играть в поддавки. И я уверен, что, вот, при таком раскладе равных им на всей нашей планете и даже во всем ближнем и дальнем космосе просто не сыщется. Точно Вам говорю.

– Товарищ Ветров, можно задать Вам последний вопрос, – тянет руку журналист газеты «Известия». К нам в редакцию регулярно приходят письма с жалобами на несколько двусмысленно звучащие прогнозы погоды, с которыми на ночь глядя выступает шикарная блондинка с вызывающим бюстом в конце популярной программы «Время», а так же на полную невозможность верно угадать правильную комбинацию шаров в телевизионном выпуске лотереи «Спортлото». Можете ли Вы что-то посоветовать нашим читателям по данному поводу?

– Вопрос, конечно, сложный, – говорю я. – но специально для ваших читателей я могу предложить хороший выход: пусть перестанут смотреть телевизор, и проблема исчезнет сама собой. Лично у меня его нет вовсе, и я еще ни разу за четырнадцать лет своей долгой жизни об этом не пожалел. Если же сильно хочется сделать какой-то прогноз – пусть кидают монетку. Ровно в половине случаев прогноз будет верным. Точно Вам говорю. Должен только сразу честно предупредить, что это не касается прогнозов на игру нашей футбольной сборной. Здесь даже законы статистики почему-то не работают. Просто удивительный, абсолютно аномальный случай...

Про Давида Ойстраха и высокое искусство пускать солнечные зайчики

Насколько себя помню, в наш городской Дворец культуры регулярно приезжали какие-то артисты. Меня лично это всегда мало интересовало в отличие от бабушки, которая никогда не пропускала ни одного такого события. Она, как могла, и меня старалась приобщить к тому, чтобы я начал интересоваться искусством, потому что видела, что улица поглотила меня с головой и боялась, что ни к чему хорошему это не приведет. Но у нее ничего не получалось. Изредка, конечно, мне и самому было любопытно пойти посмотреть на какой-нибудь известный спектакль, но я отлично знал, что в моей среде к подобного рода интеллигентским развлечениям относятся с крайним презрением. Если кто-нибудь, не дай бог, увидит, что я иду с бабушкой смотреть, допустим, чеховский «Вишневый сад», мне проходу потом не будет от насмешек:

– Привет, Ветер, ты, говорят был в театре? Ничего, что я с тобой все еще на ты?

Или:

– Ветер, ты после приобщения к высокому искусству стал такой интеллигентный. Теперь тебя просто не узнать. А скажи, там и вправду надо как в детском садике одновременно всем вместе в ладошки хлопать? Ой, как же это все интересно...

В общем, надеюсь, вы меня поняли. Я бы не дал своей заботливой бабушке ни единого шанса заманить меня в это злачное место. Но, как известно, никогда не говори никогда.

Однажды на афише нашего ДК некий принципиально не подписывающий свою мазню художник нарисовал, как умел, довольно плотного мужчину в пиджаке и при галстукe, который прижимал к своей широкой щеке нечто отдаленно похожее на балалайку. А внизу большими и

явно не очень трезвыми буквами красовалось имя артиста – Давид Ойстрах. Я бы и внимание на это никогда не обратил. На этой афише все время что-нибудь малюют. Не будешь же каждый раз на это смотреть. Но тут случай был особый...

Бабушка по своей привычке стала меня уговаривать пойти с ней на концерт столичного гастролера. Я как всегда на это только брезгливо морщился. Но в тот раз, сама того не осознавая, она сделала единственно верный ход, чтобы, наконец-таки, добиться своей вожаделенной цели:

– Данюшка, это же мировая знаменитость. В наш город никогда еще такие люди не приезжали. Вырастешь, потом жалеть будешь, что такую редкую возможность упустил.

Я, как обычно, равнодушно пропускал все ее речи мимо ушей. Но слова «мировая знаменитость» заставили меня вздрогнуть. Достичь мировой славы было тогда пределом всех моих мечтаний. А тут такой случай – у нас в городе появится живое воплощение всех моих самых страстных и тайных желаний. Я должен был это увидеть.

– Ладно, – говорю, – так и быть, схожу посмотрю на это чудо. Только у меня будут такие условия... – и объявил ей свой план.

Я сказал, что она должна будет прийти на концерт раньше меня и занять два места в углу последнего ряда. Я же подойду туда чуть позже. И еще сказал, чтобы она взяла с собой газету, потому что я намерен ее читать, пока не выключат свет. Я надеялся, что смешавшись с толпой зрителей и потом прикрывшись от любопытных глаз развернутой газетой, никем не буду узнан и смогу таким образом скрыть этот свой жалкий позор в полной тайне от приличного общества.

В последнюю ночь перед концертом я долго не мог заснуть: все старался придумать себе достойное оправдание на тот случай, если вдруг кто-то из знакомых-таки застукает меня в толпе зрителей возле ДК. А под самое утро мне приснился настоящий кошмар:

Мне приснилось, что я шел на концерт с бабушкой, держа ее за руку и потупив голову, а вокруг меня толпа пацанов улюлюкала и свистела, указывая на меня пальцами. И еще на пути мне попался Костя Варламов, самый авторитетный хулиган в Анжерке. Он не свистел и не улюлюкал, а стоял, засунув руки в карманы, и, ухмыляясь, молча глядел на меня, презрительно сплевывая через выбитый передний зуб. Но это было еще не самое ужасное, потому что чуть дальше я увидел Оксану из 8-го «Б». И вот здесь мне захотелось провалиться сквозь землю. Эта была моя тайная и безнадежная любовь; самая красивая девчонка в нашем городе; мечта всех парней. Так вот она, глядя на меня, просто ухахатывалась. При этом ее челка все время сдвигалась ей на лоб, и она ее очень мило поправляла... В общем, под утро я проснулся весь измученный. Я знаю, что тем, кому не приходилось с потом и кровью в драках с самыми оторванными сорвиголовами завоевывать себе авторитет, никогда меня не понять.

К моему несказанному удивлению к началу концерта перед входом собралась внушительная толпа. Это был несомненный аншлаг. Меня охватил благоговейный трепет – вот что значит быть мировой знаменитостью! Мне стало немного любопытно, что этот человек будет нам играть, поэтому я спросил первого попавшегося мужика более менее интеллигентного вида в давно не знавшем утюга и изрядно поношенном костюме:

– Скажите, что сейчас будет исполняться?

– Меня не инте-гхе-сует, что он будет и-гх-ать, – страшно картавя ответил этот гражданин. – Я п-гх-ишел на Давида Ойст-гха-ха.

Такие речи меня только еще больше подогрели. Как и я, все эти люди пришли посмотреть на живую знаменитость. Действительно, какая кому разница, что он там будет играть.

Никем не замеченный в толпе зрителей я пробрался к своему месту в углу последнего ряда. Бабушка была уже там. Я сразу же потребовал у нее газету, раскрыл ее на весь разворот, уткнулся в нее носом и с нетерпением стал ожидать, когда наконец, выключат свет и начнется концерт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.